

Мир, где нет Бога

«Что это? Сон или явь?» — не раз вопрошал Витольд Гомбрович, польский писатель и драматург. Что есть сам Гомбрович — великая загадка. И ведь верно, он более моден, нежели понят и прочитан, в России-то уж точно. Притом, что пьесы его идут на многих сценах мира, а проза переведена почти на двадцать языков. Литературное творчество Гомбровича — вне канонов. Замешанное на пародийности и злобешней символике, не знающее предела ужасному, пронизанное литературной и театральной игрой, оно есть шок. Утверждение Гомбровича о том, что абсолютная порядочность — это абсолютный маскарад, не просто слова, а суть действительности, в которой существуют его герои. Индивидуализм, свобода собственного «я», и, как следствие, одиночество человеческой души — вот то, на чем зиждется его пьеса «Венчание», названная автором трагедией современного человека.

Это безумие «Венчания» и покорило Ежи Яроцкого, сделало пьесу исповедью режиссера, коль вот уже в седьмой раз обращается он к ней. Впервые это случилось в 1960 году. И наконец, в 1991 в Кра-

ковском театре «Стары» был поставлен спектакль, который мы благодаря Театру Наций и увидели в Москве.

«Венчание» собирает в Кракове полные залы. По пять-шесть раз приходят на него люди. Какая редкость по нынешним временам, даже для столь прославленной труппы. Спектакль-сновидение, герою которого — солдату Генрику, где-то во Франции пригрезился отчий дом, что в Польше. Дом — и не дом, а вроде корчма. Родители, будто и не родители вовсе, а корчмари. Невеста — не та, что была непорочна, а чувственная, доступная служанка. Вихрь игры, фантазии уносит Генрика в мир искушения, где есть возможность самому стать королем и творить жизнь по собственному хотению. Сброшен с трона Король-отец, и вот уже он, Генрик, — владык мира, готовящий гибель другим и себе самому. В роли Генрика — Ежи Радзивиллович, знакомый по фильмам А. Вайды, легко балансирующий на грани реальности и сна, странной мистификации и вполне конкретной раздвоенности души.

История героя «Венчания», по словам В. Гомбровича, должна была вскрыть страхи чело-

века перед новым миром, в котором он сам себе будет и Богом, и хозяином. Может ли воля человека заменить божественную? История хранит такие попытки. Так сладко угодить в соблазн и вседозволенность, и тогда границ не существует и, кажется, что ты Бог,

да только венчание может превратиться в погребальный обряд. Впрочем, это все те же проклятые вопросы об абсолютном, поставленные В. Гомбровичем, ответы на которые можно найти только внутри себя.

Светлана ХОХРЯКОВА.

Свидание через пять лет

О процессах, происходящих в польском театре, культуре и о связях с Россией размышляет главный директор и художественный руководитель театра «Стары» Тадеуш Брадецкий.

— Я не был в Москве пять лет, но хорошо помню столицу и МХАТ, потому что в 1989 году я ставил на новой сцене спектакль «Войцек» Бюнера, работал с актерами театра-студии «Человек». Мы по-прежнему общаемся, мне было бы очень интересно посмотреть новую работу моего друга Романа Козака, я знаю, что он репетирует пьесу Ст. Мрожека. Наш приезд — результат договора между министерствами культуры России и Польши и своеобразный ответ на гастроли у нас Театра имени Вл. Маяковского. Нашим актерам вдвойне приятно выступать в Москве на этой знаменитой сцене. Что же касается «Венчания», то мне кажется, что драматургия В. Гомбровича в принципе несколько чужда русскому театру, она недостаточно психологична. Русская театральная традиция — это сила, мощь, Москва была, есть и будет одним из центров театрального мира. Философичность пьес В. Гомбровича как бы не укладывается во внутренне тонкий русский театр.

— Валерий Фокин, поставивший много спектаклей в Польше, считает, что русская и польская театральные традиции очень близки.

— Русский театр для нас — прежде всего школа, потрясающе высокий уровень актерского мастерства и основы режиссуры. По сравнению с ним польский театр более фрагментарен и всегда зависит от индивидуальности мастера. Если с одной стороны — традиции, корни, то с другой — эклектика, яркие контрасты. К приме-

ру, репертуар нашего театра условно делится на три части: польская драматургия, которая предполагает традиционный народный театр; собственно театральная классика, ведь невозможно прожить без Шекспира, Мольера, русских пьес, которых в репертуаре театра — 37; и экспериментальный театр — авангард, поиск новых решений.

— Не кажется ли вам, что духовно культура Польши все же ближе русской, чем, скажем, американской или западноевропейской?

— С чисто эстетической или культурологической точки зрения мы, бесспорно, принадлежим к постизантийской, а не к романской традиции, находясь где-то на границе между Западом и Востоком. Да, нам ближе так называемая «загадка славянской души», о которой так много говорят. Тем не менее мне кажется очень значительной разница между нашими культурами. Я осознал это, работая здесь над спектаклем «Войцек», который очень сложно было переложить для русского театра и зрителя, поскольку дух немецкого экспрессионизма не был столь ассоциативно значимым для великого режиссера Романа Козака, как для меня. В России все это воспринимается иначе, посредством другого языка и метода. Можно сказать, что мы близки по темпераменту, по душевному состоянию, но, например, общение со зрителем идет совершенно по-другому. Главное — иметь возможность понять друг друга, особенно в сфере искусства, работать вместе, принося что-то свое и взаимно обогащаясь.

Беседу вела
Нармин ШИРАЛИЕВА.

● Сцена из спектакля «Венчание».